

RU

Концепты МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА в калмыцкой языковой картине мира

Баваева О. К.

Аннотация. Цель исследования - выявить, какие гендерные стереотипы актуализируют концепты МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА в калмыцкой языковой картине мира. В статье проанализированы паремии калмыцкого языка и ряд современных поэтических произведений, чтобы выяснить, как исследуемые стереотипы отражаются в современных текстах. Поскольку концепты могут изменяться, следует выявить наличие таких изменений. Научная новизна работы состоит в том, что впервые проводится сравнительный анализ этих концептов в пословичном фонде языка и в современной калмыцкой литературе. Результаты исследования показали, что гендерные стереотипы, актуализируемые пословицами, бытуют и в современных текстах с незначительными изменениями.

EN

Concepts MAN and WOMAN in the Kalmyk Linguistic Worldview

Bavaeva O. K.

Abstract. The study aims to determine which gender stereotypes actualise the concepts of MAN and WOMAN in the Kalmyk linguistic worldview. The article analyses paroemias of the Kalmyk language and a number of modern poetic works in order to find out how the studied stereotypes are reflected in modern texts. Since concepts can change, one ought to ascertain whether there are such changes. The study is novel in that it is the first to carry out a comparative analysis of these concepts in the proverbial stock of the language and in the modern Kalmyk literature. The results of the study have shown that the gender stereotypes actualised by proverbs exist, with minor changes, in modern texts as well.

Введение

За последнее десятилетие появилось множество работ, посвященных различным концептам калмыцкой лингвокультуры, например концептам РОД, СУДЬБА, СЧАСТЬЕ, КОЧЕВЬЕ, КОЧЕВНИК, МАТЬ и др. Автором данной статьи был рассмотрен концепт СЕДКЛ/ДУША на примере творчества Б. И. Васькаева [1].

Вопросы гендера и концептов МУЖЧИНА, ЖЕНЩИНА в калмыцкой языковой картине мира рассматривались в работах В. О. Имеева, Т. С. Есеновой, Р. П. Харчевниковой, Ю. Цэндээ [15]. На примерах паремиологического фонда калмыцкого и казахского языков проведен сопоставительный анализ концептов МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА в работе М. В. Галимеевой, В. О. Имеева, П. М. Кольцова [2; 4]. Образ матери на основе фольклора рассматривается Б. Б. Дякиевой, Э. У. Омакаевой [3]. Вышеназванные работы ограничивались паремиологическим фондом и фольклором калмыцкого языка.

В данной статье рассматриваются гендерные стереотипы, актуализирующие концепты МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА в калмыцкой языковой картине мира. Для этого были проанализированы паремии калмыцкого языка, так как именно в них вербализируются те или иные концепты на протяжении длительного исторического времени. Поскольку концепты с течением времени могут изменяться, приобретать новые признаки вслед изменяющимся условиям жизни этноса, в статье исследуются современные литературные тексты, а именно поэтические произведения двух выдающихся поэтов калмыцкой литературы – Д. Н. Кутультинова и Б. И. Васькаева. Мы согласны с исследователями, которые считают, что для выявления репрезентации концепта в этнокультурном социуме следует рассмотреть «всю совокупность языковых средств выражения концепта, а также тексты, в которых раскрывается содержание концепта» [13, с. 11]. Это определяет актуальность исследования. Кроме того, калмыцкий язык внесен ЮНЕСКО в список исчезающих языков Российской Федерации. Мы надеемся, что такого рода исследования могут способствовать не только сохранению языка, но и его развитию и распространению.

Теоретической базой данной работы послужили труды таких ученых, как В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, И. А. Стернин, З. Д. Попова [7; 8; 13; 14], которые исследуют этноспецифические концепты как ментальные

образования, отражающие менталитет народа. Также исследователи отмечают, что концепты характеризуются национальной, социальной, групповой и индивидуальной спецификой [13, с. 9]. Кроме того, концепты могут меняться с изменением исторических, экономических, социальных условий языкового сообщества [8, с. 14]. Поскольку концепт – явление многомерное, для его описания используются более четкие по структуре единицы когнитивной науки, такие как фреймы, концептуальные метафоры, сценарии или стереотипы [Там же, с. 15].

Важным для исследования явилось определение гендера и гендерных стереотипов, чему способствовали труды А. В. Кирилиной [9] и Т. Г. Поповой [12]. Так, исследователи сходятся во мнении, что гендер есть явление культуры и языка. Термин *гендер* подчеркивает социокультурную природу межполовых различий, которые предписываются и порождаются обществом и определяют поведение индивида [9, с. 127; 12, с. 234].

В данной работе мы исходим из следующего определения концепта: «...ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта. Типизируемость этих единиц закрепляет представления в виде различных стереотипов, их осознаваемость дает возможность передать информацию о них другим людям, их значимость закрепляет в индивидуальном и коллективном опыте важные (и поэтому эмоционально переживаемые) характеристики действительности» [7, с. 95].

Задачи исследования:

- проанализировать пословицы о мужчинах и выявить, какие гендерные стереотипы моделируют данный концепт;
- проанализировать пословицы о женщинах и выявить, какие стереотипы входят в структуру концепта ЖЕНЩИНА;
- провести сравнительный анализ структур концептов ЖЕНЩИНА и МУЖЧИНА в паремиях и современных текстах (стихотворения Д. Н. Кугультинова, Б. И. Васькаева).

Для достижения цели и задач исследования применялись следующие методы: семантический анализ, компонентный анализ некоторых лексем, перевод и пояснение этноспецифических понятий, метод моделирования концепта, основанный на стереотипах. Представлен стилистический анализ поэтических произведений Д. Н. Кугультинова, Б. И. Васькаева для обоснования бытования данных концептов в современной калмыцкой литературе и языке.

Материалом исследования послужили сборники калмыцких поговорок и загадок [5; 6], сборник стихотворений Б. И. Васькаева на калмыцком языке [1], сборник стихотворений Д. Н. Кугультинова [11].

Практическая значимость: результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения концептосферы калмыцкой лингвокультуры. Полученные данные могут быть использованы на лекциях по культурологии, межкультурной коммуникации, при создании учебно-методических пособий, учебников по калмыцкому языку и литературе.

Концепт МУЖЧИНА в пословичном фонде калмыцкого языка и в поэзии Д. Н. Кугультинова

В калмыцком языковом сознании представление о мужчине закрепляет концепт ЙОСН ЗАЛУ, вариант ЙОСТА ЗАЛУ или СЭН ЗАЛУ «настоящий мужчина», который, действительно, очень часто используется как на бытовом уровне в обыденной жизни, так и в литературе и фольклоре. Этот концепт включает ряд стереотипов, отражающих определенные аксиологические категории, связанные с понятием социальной нормы данного языкового сообщества.

Так, паремии калмыцкого языка постулируют неперемное наличие дела, цели и задачи у настоящего мужчины. *Залуһин сээһэс үүл хөөһдго, уулын өндрэс будн хөөһдго.* / У настоящего мужчины всегда дела, на вершине горы всегда туман (здесь и далее примеры приведены из сборников калмыцких пословиц [5; 6]) (здесь и далее перевод автора статьи. – О. Б.). Другой вариант: *Сэн залуһас үүл хөөһдго, сэн мөрнэс – эмэл хөөһдго.* / Настоящий мужчина всегда при деле, хороший скакун всегда оседлан. *Залу күн – заһһсн талан, зандн модн – нээһлсн талан.* / Мужчина идет к намеченной цели, сандал растет в сторону, куда ветер дует.

От мужчины ожидаются смелость, храбрость, решительность, настойчивость в достижении цели: *Залуһин зөргэс үүл бүтдг – смелый мужчина совершает дела, поступки.* Другой вариант этой пословицы: *Залуһин зөргэс жиндмин эрднь бүтдг.* / Храбрость мужчины воплощает в жизнь мудрость чиндамани. *Захан модн заһһрач, залуһин сэн омгч.* / Крайнее дерево склонно раскачиваться, настоящий мужчина склонен к отваге. *Зөрсн диилсндэн шаху.* / Дерзость равна победе. *Залуд – зөрг чимг.* / Мужчину красит смелость.

Однако не только физическая сила и ловкость ценны, но также ум и знания: *Баатр күн чаһһ-чиирг болв чигн, эв-ухан уга болхла, нег сумнас һардго.* / Храбрец, каким бы сильным и ловким не был, если нет гибкости ума, не избежит и одной пули. *Бий бөк болхла – негиг диилдг, ухан-эрдм, сурһуль бээһлэ – олыг диилдг.* / Сильный телом победит одного, умный, образованный побеждает многих.

Разумная, оправданная осторожность также важна для выживания: *Сагин көл күртл санамрин толһа өсрнэ.* / Пока опасность коснется ног осторожного, у беспечного голова с плеч. Другой вариант: *Сагин тооснд санамрин толһа һанзһлдна.* / В пыли (поднятой копытами лошади) осторожного голова беспечного оказывается притороченной к седлу.

Но тем не менее страх смерти неведом настоящему мужчине. В данных пословицах выражается некоторое беспечно-презрительное отношение к смерти: *Асхрв – ааһ цусн, эгрв – нээмн чимгн.* / Умру – прольется лишь

чашка крови, и останется восемь костей. *Чимгн* – букв. трубчатая кость. Другой вариант: *Альд эс асрх ааһ цусмб, альд эс эгрх атх ясмб.* / Где ни прольется чаша крови, где ни сгниет горсточка костей. Смерть может настичь мужчину везде, в любое время. Смерть не страшна, ибо еще не рожден матерью тот, кто не умирает, и нет вещи, сделанной мастером, которая бы не ломалась: *Эс укхиг ээж эс һарһж, эс эвдрх урн эс кеж.*

Важно, чтобы осталось доброе имя: *Захсн үкхлэ – яснь үлддг, залу үкхлэ – нернь үлддг.* / Когда умирает рыба, остаются кости, когда умирает мужчина, остается имя. Для мужчины важно сохранить свое доброе имя, что поствуруется в следующей пословице: *Залу күн ичсн орхнь, үксн деер.* / Мужчине лучше умереть, чем опозориться.

Настоящий мужчина немногословен и верен данному слову. Более того, ложь для него неприемлема: *Заһлман сәнһег шүүрлһтэ, залуһинь сәнһег үгтэ.* / У хорошего кобчика (птица) хватка одна (Хороший кобчик (птица) хватает с первого раза), у настоящего мужчины слово одно. *Өдртән гүүсн мөрн – ээндән иһнг. Үгдән күрсн залу – үүртән иһнг.* / Конь, способный скакать целый день, дорог хозяину, мужчина, умеющий держать свое слово, дорог своим друзьям. *Теесн мөрн тер һазртан күргхлэ сән, тиһнгэ гисн залу тер үгдән күрхлэ сән.* / Хорошо, когда навьюченная лошадь довозит до места назначения; хорошо, когда мужчина выполняет свое обещание. *Залу күн худл келсн, цаһан мөрн шорад көлвэдсн эдл.* / Мужчина, который лжет, подобен белой лошади, извалявшейся в пыли.

Мужчинам предписывается находиться в движении, в пути, выполняя какие-то задачи, совершая подвиги. *Залу күүнэ үүл – тавг дорнь.* / Цель мужчины всегда под его стопой. Или: *Мөрн сээг холд йовж мед, залуһин сээг кеер йовж мед.* / Хорошего скакуна испытывают на больших расстояниях, а настоящего мужчину испытывают в путешествии (*кеер* – в степи, вне дома). *Залу сээндән кү үз, Мөрнэ сээнд һазр үз.* / Пока молод, встречайся с людьми (путешествуй, заводи знакомства), пока скакун хорош, посети другие земли.

В калмыцкой культуре придается большое значение уважению старших, людей преклонного возраста. Но тем не менее опыт юноши, путешествовавшего по миру, может оказаться ценнее опыта старика, просидевшего всю жизнь дома. Важность путешествий для получения опыта и знаний подчеркивает следующая пословица: *Орн деер өссн өвгнэс, Ор эргсн көвун* или другой вариант второй части пословицы: *орчлң төгэлсн көвун.* / Чем старик, просидевший (букв. выросший) на кровати, лучше юноша, исколесивший мир.

Суровый кочевой быт диктовал необходимость умения переносить трудности, невзгоды: *Тоһрун шовун хор идх дутман тарһлдг, тохмта эцкин көвун му үзх дутман ясрдг.* / Журавль набирает вес, чем больше ест ядовитой травы, а сын родовитого отца становится лучше, чем больше невзгод он преодолевает.

Настоящий мужчина должен приносить пользу обществу, своему роду, своей стране: *Сән залу нутгин төлэ төрдг, сән мөрн эзни төлэ төрдг.* / Хороший мужчина родится для своей страны (нутг), а хороший конь – для хозяина. *Тоомсрта сән залу нутгин төлэ зүткдг, тоһстн шовун сүүлән хэлэж нисдг.* / Уважаемый мужчина заботится о благе своей страны, павлин заботится только о своем хвосте.

Высокое место в аксиологической шкале калмыцкой языковой культуры занимают друзья и верность им. Это отражают следующие пословицы: *Үвлин цагт бийән бүмндг, үклин һазрт нөкдән дөһндг.* / В зимнюю пору себя утепляют, в минуту смертельного сражения помогают друзьям. *Үр – ууһн күүкнэс дота.* / Друг дороже старшей дочери. *Сән моднд бүчр урһдг, сән залуд нөкд хурдг.* / Хорошее дерево обрастает новыми ветками, у настоящего мужчины множатся друзья. *Замг сээнд заһсн хурдг, залу сээнд күн хурдг.* / Рыба собирается там, где хорошая тина, люди – где настоящий мужчина. *Му нөгдт орхнь, сән мөрн деер.* / Лучше иметь хорошего коня, чем плохого друга.

В калмыцком языке есть выражение, описывающее человека широкой души, готового помочь и поддерживать любого нуждающегося, отдать последнее. *Делкэ минн гһһаддг күн.* / Весь мир, все люди мои – говорят такие люди, что имплицитно: они мне близки, дороги, я им готов помочь. Соответственно, широта души – необходимое свойство настоящего мужчины: *Сән мөрнэ чееж өндр, Сән залун чееж сарул.* / У хорошего скакуна грудь высокая, у настоящего мужчины душа широкая. *Эр залуһин чеежд эмэлтэ хазарта мөрн багтна.* / В душе настоящего мужчины умещается конь с седлом и уздой. И в то же время данная пословица свидетельствует о готовности мужчины отправиться в путь в любое время.

В культуре калмыков разговоры о еде презируются. Данное правило распространяется на всех. В соответствующих поговорках агентом выступает *күн* – человек. *Му күн – идсн, уусан, сән күн – үзсн, соһссан.* / Плохой человек говорит о том, что ел и пил, хороший человек – о том, что слышал и видел. *Му күн хотас ичдг, сән күн үгэс ичдг.* / Плохой/недостойный человек стыдится скудной трапезы, хороший/достойный человек стыдится недостойных/неправильных речей. Еда не является достойным поводом для разговоров.

В калмыцкой культуре мужчине предписывается скромность; бахвальство, хвастовство порицаются: *Бийән буульсн ах эргү, баавһаһан буульсн адг эргү.* / Очень глуп тот, кто хвалит себя. Крайне глуп тот, кто хвалит свою жену. И еще один вариант: *Эркн эргү бийән магтдг, дунд эргү баавһаһан магтдг, адг эргү мөрән магтдг.* / Очень глупый хвалит себя, средний по глупости хвалит жену, крайний глупец – хвалит своего коня. *Му күн бийән барс мет меднэ, сән күн бийән мис мет меднэ.* / Плохой/недостойный человек оценивает себя как барса, достойный оценивает себя как kota. То есть достойный человек скромнен.

Вариант ЙОСТА ЗАЛУ, в котором окончание *-та/-тэ* совместного падежа, передает значение обладания или наличие признака, как в *гертэ, һоста, седклтэ* – имеющий дом, сапоги, душу (т.е. душевный), можно трактовать как «тот, кто владеет законом, или следует закону, т.е. законопослушный». Однако изменение формы слова «йосн залу» на «йоста» характерно для разговорной калмыцкой речи и используется для эмфазы, как элемент выразительности. Можно предположить, что вариант «йоста» образовался по аналогии с «күчтэ, өвртэ, айта» – отличный, великолепный. Таким образом, ограничение концепта ЙОСН ЗАЛУ, ЙОСТА ЗАЛУ

только семей законопослушности и обладания законом ничем не оправдано, тем более что паремиологический фонд не дает тому подтверждения.

Актуальность данного концепта и значимость стереотипов и аксиологических категорий, их закреплённость как в индивидуальном, так и в коллективном сознании отражают литературные произведения и песни.

Например, в современной шуточной народной песне «Худнр» – «Сваты» лирический герой навещает всех своих сватов, представителей всех четырех племен, и рассказывает, как и чем его угощали в каждом хотоне (селе). В конце песни автор извиняется за то, что говорил о еде, и объясняет, что суть песни не в еде, а в том, какие у него щедрые, гостеприимные родственники.

Стихотворение Д. Кугультинова «Апрель сарин доланла» – «Седьмое апреля» написано в виде диалога между автором и читателем. *Апрель сарин доланла, / Арвн хойр часла, / Би, жыл болһн, / Бийән буульж магтнав: / «Занһсн талан күрдг / Залу!» – гиж өргнөв. / Эвртэд бийән тоолсан / Эмтнэс ичж нуухшив! / Седьмого апреля / в двенадцать часов / себя ежегодно / хвалить я готов... / Что слово мужское / железно сдержал!.. / Неужто не стою / Я высших похвал?! (перевод Ю. Нейман) [10, с. 70].*

В данной строфе автор перефразировал пословицу: «Залу күн занһсн талан». / Мужчина идет к намеченной цели. Переводчик опустил эту этноспецифическую деталь, компенсировав разговорным выражением «железно сдержал».

«Ичлго залу күн / Иигж бийән буульх / Учр юундвиг?» – гиж / Умшач нанас сурх. Ожидаемый вопрос от читателя, что автор сделал такого, чтобы так себя превозносить и нахвалять, строится на следующих предположениях: «Гүлгн гем эдгэж / Гүрмэс күмниг гетлһх / Алдр нуувч секвт». Другое предположение: «Нег агчмд үлэхэд / Нартд хоршсн бомбсин / Эминь авад үрглжд / Эмдрл хээрлвт?». / За что же, однако, / хвала мне и честь? / Иль средство от рака / Я смог изобрести? / Иль бомб многотонный / Развезял запас / И мир удрученный / От гибели спас?.. (перевод Ю. Нейман) [Там же].

Автор отвечает, что данные предположения близки к ответу.

Толһанм экнд цуглрсн / То уга жирһл, / Байр, һаслң, күсл, / Бахмж, дур – цугиг, / Апрель сарин доланла, / Арвн хойр часла, / Тамин зовлңгас хальчлв – / Тэмкэс һарв. / В ответ без усилия / Сказать я могу: / да, мир сохранил я, / но только в мозгу! / В мозгу – поручусь! / Я сберег до поры / И мыслей и чувств / Золотые миры. / Достиг своей цели / И спасся от Зла... / Все это в апреле, / Седьмого числа. / Седьмого апреля... / Да что там мудрить?! / Седьмого апреля / Я бросил курить.

Перевод, сделанный Юлией Нейман, опускает некоторые идеи, характерные для калмыцкой лингвокультуры. Например, строфа: «Ичлго залу күн / Иигж бийән буульх / Учр юундвиг?» – «гиж / Умшач нанас сурх» в переводе на русский полностью опущена. Здесь высказывается мысль о том, что мужчине стыдно бравировать успехами.

Это шутивное стихотворение подтверждает культурную аксиому носителей калмыцкого языка. Мужчине бахвальство не к лицу, хвалиться о совершенных делах не следует, разве что он спас все человечество.

В другом стихотворении, посвященном старцам калмыкам, слышен тот же императив:

Түрү үзлэв гиж / Түнгшжж заячан харахи. / Баатр болла в гиж / Бахтж бийән буульхи. / Му, сээг эдл / Мусхлзж тодсд өвгд. / ...что видели – спрятали в душу / с достоинством истых мужчин / сквозь муки, сквозь голод и жажду / прошли и не кляли судьбы. / В сражениях были отважны, / Не зная пустой похвалбы, / награды свои и невзгоды / Они принимали равно. / Характер степного народа / Надежно хранить им дано (перевод Ю. Нейман) [Там же, с. 125].

Еще одно стихотворение описывает последние минуты старца.

Нег-негнәннь хөв харж / ниһәр бээж байр үзит. / заясн төрскн нутган батлж / залу нерән өөдән бэрит! / Заботясь о счастье друг друга, / живите дружно, радуясь жизни. / Укрепляя благословенную родину, / несите высоко звание мужчины!

Чувствуя приближение смерти, старец дает напутствие своим потомкам. Произнеся свои последние слова, старец просит всех удалиться, не желая показать свою слабость, угасает в одиночестве:

«Һартн, һартн! – гиж, тишгжәһэд, / һарарн заһнж өвгн закв. / ...зовлңгд авдсан, мууһан үзүллго, / залу кевәр көгшә бөкв». / Выходите, выходите! – махнув рукой, приказал старец... болезнь взяла верх, / не желая показать свою слабость, / как подобает мужчине, / старец угас.

Настоящий мужчина заботится о Родине, не показывает своей слабости, остается сильным до конца.

Концепт ЖЕНЩИНА в пословичном фонде калмыцкого языка и в поэзии Б. И. Васьяева

Концепт ЖЕНЩИНА в калмыцкой языковой картине мира, как уже было отмечено ранее, асимметричен концепту МУЖЧИНА. Если мужчине предписывается находиться в пути, вне дома, то женщина, прежде всего, хранительница очага. *Эмч му болхла – үкл өөр, эм му болхла – угархд өөрхн. / Если лекарь (врач) плох, то смерть близка, если женщина (хозяйка дома) плоха, то бедность близка. Сан гергн – герин чимг, му гергн – герин буг. / Хорошая хозяйка – украшение дома, плохая хозяйка – несчастье (букв. буг – мусор, сор) для дома.*

Паремии, описывающие поведение женщины, не столь многочисленны, в отличие от пословиц, определяющих поведение мужчины. Многие пословицы построены в виде антитезы, например: *Залуһин сээг кеер йовж мед, гергнә сээг гертнь мед. / Качества мужчины оценивай в дороге (кеер – вне дома), качества женщины – дома. Другой вариант: Күүкиг гертнь шинжлдг, көвуг кеер шинжлдг. / Девушку оценивают, когда она дома, парня оценивают в степи (вне дома). Күүкд күн сун жирһдг, залу күн йовн жирһдг. / Женщина находит свое счастье, сидя (оставаясь на месте), мужчина – в пути.*

Мужчине, вся жизнь которого проходит в движении, в путешествии, в достижении намеченных целей, важно иметь надежных друзей. И мужчину оценивают по его друзьям. Женщина, задача которой – хранить домашний очаг, оценивается по ее рукоделию, умению вести хозяйство, выполнять домашнюю работу. Действительно, каждая калмыцкая женщина умела шить, вышивать, вязать, выполнять всю работу, которую требует кочевой быт. Кроме этого, девочки должны были уметь играть на домбре, петь и танцевать. Это были обязательные элементы воспитания девочки: *Көвүг – үүрэрнь, күүкиг – үүлэрн.* / Парня оценивай по его друзьям, девушку – по ее рукоделию.

Или: *Номта манж үүлтэ күүкн хойрт үрлт уга.* / Манж (служка в буддийском храме), который знает ном (сутры, мантры), и девушка-рукодельница не пропадут. *Нарта хур кү норһдг, нээрч күүкн седкл байрлулдг.* / Грибной дождь может намочить, девушка, умеющая устроить «нэр» праздник, радует душу. *Нээрч күүкн – девушка, любящая праздник, веселье.* Здесь также имплицитно ее веселый, легкий нрав.

Кочевой быт предполагает ранний подъем, работу по уходу за скотом – это дойка коров, выгон скота и т.д. В это время можно было понаблюдать за девушкой, женщиной и оценить ее трудолюбие, сноровку в выполнении обычной повседневной работы. Это находит подтверждение в следующей пословице: *Онъсиг уудлад шинжлдг, күүкиг өрүнд шинжлдг.* / Замок оценивают, попробовав его открыть, девушку оценивают утром.

Еще одна пословица, построенная на антитезе, предписывает девушке молчаливость, а парню – умение вести беседу: *Күүкн күн уята эс болсн хөөн, дун угань сэн. Көвүн күн задһа эс болсн хөөн дуутань сэн.*

Женщине следует быть послушной, кроткой, подчиняться воле мужа: *Көлэрн таалдг носта бол, үгарн болдг гертэ бол.* / Имей удобную обувь, чтобы снималась легко, имей жену, которая повинется тебе.

Пословицы также показывают первостепенное значение матери в воспитании детей, особенно дочери: *Экин халэж күүкн ав, аахинь халэж хотын у.* / Глядя на мать, выбирай дочь, глядя на блюдо, ешь еду; *Күүкн сэн болхла, экиннь нер һарһдг. Көвүн сэн болхла, экиннь нер һарһдг.* / Хорошая дочь славит имя своей матери. Хороший сын славит имя своего отца.

Сээхн гергн – жирһлин чимг, ухата эк – бүлин кишг. / Красивая жена – украшение жизни, мудрая мать – счастье семьи, рода.

Все заботы и думы матери о детях, в то время как дети озабочены своими проблемами – гласит следующая пословица: *Экин санан – урнд, урнэ санан – көдэд.*

Множество поговорок, сказок и эпос «Джангар» отражают трепетное отношение и поклонение образу матери. Например, старинная калмыцкая песня «*Эжин дун*» – «*Песня о матери*», печальный напев которой известен каждому калмыку. Песня о великой материнской любви, с которой ничто не может сравниться. Мать – средоточие добра, нежности, тепла, мудрости, всепрощения и бесконечной любви.

В современном калмыцком изобразительном искусстве, в литературе и поэзии этот образ становится воплощением родной земли. Вспомним эпическую картину Г. О. Рокчинского «Мать – Земля Родная», на которой степь, родная земля, представлена в образе пожилой женщины, калмычки.

В стихотворении Бадмы Васьякаева «*Экэн саннав*» – «Вспоминая мать» образ матери, покинувшей этот мир, сливается с образом степи.

В стихотворении, пронизанном болью утраты самого дорогого человека, лирический герой уходит в степь, чтобы поделиться с ней своей тоской. Нежная рука матери чудится в ласковом прикосновении ветерка. Степная прохлада, навеявая воспоминания о матери, успокаивает душу.

Довун деер һарад, / Сальк өрж зогснав. / Дотр бийим уудад, / Сээхн экэн саннав / Взойду на холм, / навстречу ветру, / воспоминания о маме / приносят покой [1, с. 29].

Свою боль и страдание лирический герой делит со степью, как когда-то с матерью.

В первых двух строфах традиционная анафорическая рифма построена перекрестно: рифмуются первая и третья, вторая и четвертая строки. Композиционно первые две строки описывают внешний, физический план, вторые две строки – внутренний, духовный. Лирический герой всходит на холм навстречу ветру, далее переключение на внутреннее состояние: *дотр бийим уудад* – чувство облегчения, успокоения, дарованное ветром, как некий вакуум, расширяется, разрастается в груди.

Вторая строфа – обращение к ветру, к ветерку. В калмыцком языке уменьшительные ласкательные имена не столь распространены, что компенсируется другими средствами. Образ легкого степного ветерка создается глаголом *хурлзад*, который означает легкое, быстрое, трепещущее движение. Обращаясь к ветру, поэт просит избавить его от этой всепоглощающей боли утраты: *Элкинм өвдкүр авич!* / Избавь меня от этой боли [Там же]!

Все стихотворение пронизано глубочайшим почтением, любовью и тоской по матери.

В следующем стихотворении мы видим поэта в самые трагические минуты его жизни – у смертного одра матери. Глядя остывшие руки, прикосновение которых снимало боль и отогревало сердце от житейской стужи, герой последний раз вглядывается в дорогие черты.

Урсахад таалсн альхинь илж, / күүндтэ, хээртэ дүринь хавллав. / Глядя ласковые ладони, / ловлю драгоценный образ [Там же, с. 9].

Урсахад таалсн альхинь – *урсаһад* – от глагола «*урсх*» – таять, растворяться; *таалсн* от глагола «*таалх*» – ласкать. Ласковое прикосновение рук матери заставляло таять, оттаивать.

Глагол «*хавллав*» означает поймать, схватить что-либо, что может ускользнуть, улететь. В данном контексте получает значение «запомнить, запечатлеть ускользящий образ матери».

Долан хонгин тагчг үүмүлж, / Дүүрэд өрчм өвч шарквл. / В тоскливой тишине седьмого дня, / Боль переполняет грудь [Там же].

В безмолвии опустевшего дома неизбывная горечь утраты переполняет грудь. *Өрч* – грудь, грудина. Иногда используется для обозначения места, где находится душа. Здесь *Өрч* как некий сосуд, переполняемый (*өвч шарквл*) саднящей болью. *Дүүрэд* – переполняться, *шарквл* – нить, саднить. Таким образом, и боль, и *өрч* – грудь приобретают вес, тяжесть, форму и объем.

Образ солнца из первой строфы, как олицетворение матери, ее нежности и любви, проходит сквозь все стихотворение: *шар нарн болсн* – подобная солнцу; *чилгр сээхи заңта экм*. Эпитет *чилгр*, например, может описывать погожий, солнечный и прохладный день, какой бывает после дождя; *чик жөөлн седклэрн халулсн* – чик, букв. правильный, праведный, *жөөлн* – мягкий, ласковый, *халулсн* – согревавший, *халулх* – греть. Таким образом, возникает образ матери – доброй, праведной, мудрой женщины, подобно ласковому солнцу, дарившей тепло и безграничную любовь.

В предпоследней строфе снова образ солнца, но уже погасшего – *Чик жөөлн седклэрн халулсн / Сарулда мандлсн нарм унтрв. / Праведная, светлая душа твоя / как солнце согревавшее, угасло (мандлсн от глагола мандлх – сиять, мандлсн – сиявший(ая/ее)) [Там же].*

Кроткая, добродетельная, мудрая женщина, подобно солнцу, согревавшая и освещавшая жизнь, угасла. В тишине уходящего дня воспоминания о матери, ее светлый образ помогают примириться с судьбой. Мать, даже если ее нет уже рядом, ее любовь и тепло дают силы жить и творить.

В рассмотренных стихотворениях образ матери создается посредством метафоры и сравнений с солнцем, с погожим днем; эпитетами с семами мягкости, тепла, кротости, добродетели, целомудрия и мудрости.

Образ женщины, возлюбленной в творчестве Б. Васьякаева в первую очередь предполагает внутреннюю красоту женщины, ее мягкость, нежность, мудрость, что имплицитно выражается посредством температурных или синестетических образов тепла, прохлады, тишины и покоя.

В описании женщины автор использует такие эпитеты, как: *жөөлн* ‘мягкий’, *ээлтэ* ‘ласковый, обходительный’, *өлзэтэ* ‘благословенная/ый’, *цецгэшиң* ‘цветущий/ая; подобно цветку’, *бүлэн хэлэцтэ* ‘с теплым взглядом’, *ээлтэ хэлэц* ‘ласкающий взгляд, взор’.

Лирический герой, напротив, изображается посредством образов свирепого зверя (*һалзу аң*), ретивого скакуна, бурлящего огненного потока (*бульгх, деврх*), неутолимого голода, жажды (*һанһд өлсэд, цөлднэв*), душевных и сердечных мук (*зовсн чееж, зовлңгар гендсн чееж, түншиэд зуркм бульгһна, седклин гемтэв*), неизлечимых ран (*кунд шавтав, уйн наснанм шав*), неизбывной боли (*эдгшиго зовлңгар гемтнэв*).

Состояние лирического героя описывается как безумие человека, околдованного, опьяненного красотой: *Сээхнэ авд авлгдж, / согтад ухаһан геенэв, / Санх болһндм цусм бульгһна – бульгх ‘бурлить’*. Каждый раз мысль о любимой вызывает бурю в душе, заставляя кровь закипать в жилах [Там же, с. 13].

Все это буйство, неистовство укрощает кроткий взор любимой. Озёрная гладь с тихими всплесками волн – воплощение образа нежной, ласковой женщины: *Нуурин мелмлзсн дольган мет, / Бээдлинь дангин нүдндм харгдна. / Бүлэн хэлэцтэ жөөлн заңнь / Намаг таалсн болж сангдна. / В озерной глади / отражается твой лик, / твой нежный взгляд, / как ласковые волны [Там же, с. 18].*

Нур ‘озеро’, *дольган* ‘волна’, причастие *мелмлзсн* от *мелмлзх* ‘плескаться’, ‘переливаться’.

Однако анализ произведений Бадмы Васьякаева позволяет выявить в структуре концепта ЖЕНЩИНА и новые значения, не представленные в паремиях.

Так, женщина в поэтических произведениях игрива и своенравна, что объективируется эпитетом «*дольгн*».

Дольгн танла күүндх санам [Там же, с. 13].

Прилагательное *дольгн*, образованное от существительного *дольган* ‘волна’, говорит о характере игривом и своенравном. Взор девушки описывается лексемой «*бульгһсн*» ‘бурлящий’, ‘кипящий’.

Бульгһсн хэлэцн седклдм хальгад [Там же, с. 38].

Пылкий взор любимой, как бурный поток, переполняет душу: *бульгһсн* ‘бурлящий’, ‘кипящий’, так можно описать горную речку, несущуюся вниз по стремнине. *Хальгад* – эта лексема используется для описания жидкости, переливающейся через край, *хальгх* ‘плескаться’, ‘выплескиваться’.

Заключение

Таким образом, анализ пословиц позволяет сделать следующие выводы. Концепт МУЖЧИНА в калмыцкой лингвокультуре включает ряд признаков, отражающих типизируемое поведение настоящего мужчины.

- Настоящий мужчина всегда занят важными делами, которые зачастую находятся за пределами *нутуга*, кочевья, страны.
- Настоящий мужчина в ответе за благосостояние семьи, рода, страны.
- Мужчине предписывается быть храбрым и отважным, с разумной долей осторожности.
- Настоящий мужчина верен своему слову и краток в речах. Лживое слово недостойно мужчины.
- Нет ничего страшнее потери чести и достоинства, лучше смерть.
- Мужчину смерть подстерегает всюду, и она не страшна.
- Настоящему мужчине не подобает хвалиться подвигами, достижениями, а также женой и своим конем.
- Настоящий мужчина широк душой и верен своим друзьям, всегда готов прийти им на помощь.

- Настоящий мужчина умен и образован, это притягивает к нему людей.
- В содержание концепта ЖЕНЩИНА входят следующие стереотипные представления:
- женщина является хранительницей очага;
 - счастье женщины в семье, в детях, у семейного очага;
 - женщине/девушке следует быть трудолюбивой, целомудренной, кроткой;
 - ей не следует быть многословной;
 - женщина/девушка должна уметь устроить «нар» праздник; иметь веселый легкий нрав;
 - женщина/девушка должна быть рукодельницей.

Современные тексты в основном подтверждают вышеназванные признаки концепта с незначительными изменениями, которые отражают изменение социальной роли женщин.

Как можно заметить, в образах женщины и мужчины, созданных поэтами, присутствует та же асимметрия, характерная для пословиц.

Как в пословицах, так и в современной поэзии структура концепта ЖЕНЩИНА включает следующие признаки: мягкость, кротость, нежность, легкий, веселый нрав, а также мудрость, добродетельность и целомудрие.

В поэзии данные аксиологические категории находят воплощение в эпитетах с семей тепла, мягкости, кротости; в метафорах солнца, озера, прохлады, спокойствия, легкой волны, благоразумия.

Ассоциативный образ мужчины как в пословицах, так и в литературных текстах создается лексемами с семей движения, действия, решительности, храбрости.

В поэзии данный концепт актуализируется в метафорах дикого, свирепого зверя, необузданного скакуна, мощной волны, сумасшествия или в эпитетах с семей зноя, голода, жажды.

Привлекает внимание амбивалентность образа волны, *дольган* в описании мужчины и женщины. Волна – это мощная, необузданная сила в описании мужчины; в образе женщины это ласковые всплески, переливы.

Анализ показывает, что в пословицах и в рассмотренных поэтических произведениях концепты МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА моделируются схожими лингвокультурными стереотипами. Концепт МУЖЧИНА в калмыцкой языковой картине мира актуализируется выражением «йосн залу» или «йоста залу», «сән залу». Концепт ЖЕНЩИНА не имеет дополнительного обозначения.

Как уже было отмечено ранее, несмотря на сходство структуры концептов в пословицах и современных текстах, анализ показал некоторое отличие в структуре концепта ЖЕНЩИНА. Следовательно, перспективы дальнейшего исследования вопроса мы видим в анализе других произведений современной калмыцкой литературы. Также большой интерес представляют и другие фольклорные тексты, например сказки и эпос Джангар.

Источники | References

1. Васьяков Б. И. «Төрскн һазрин заль» («Тепло родной земли»). Элиста: Калмыцкое отделение Союза российских писателей, 2013. 165 с.
2. Галимеева М. В. Мужчина в лингвокультуре калмыков и казахов // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 37 (1). С. 69-75.
3. Дякиева Б. Б., Омакаева Э. У. Образ матери в калмыцком фольклоре: к проблеме универсального и специфического (на материале фольклорных текстов) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 183-187.
4. Имеев В. О., Галимеева М. В., Кольцов П. М. Ассоциативный образ женщины в калмыцкой и казахской лингвокультурах // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 35 (3). С. 70-75.
5. Калмыцкие пословицы и загадки / сост. Б. Д. Букшаев, И. М. Мацаков; на калмыцком языке. Изд-е 2-е. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1982. 251 с.
6. Калмыцкие пословицы и поговорки / сост. Б. Оконов; на калмыцком языке. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1974. 111 с.
7. Карасик В. И. Концепты-регулятивы // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С. 95-108.
8. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов: в 2-х т. / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. С. 13-15.
9. Кирилина А. В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: дисс. ... д. филол. н. М., 2000. 369 с.
10. Кугультинов Д. Н. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: ОГИ, 2002. Т. 1. Стихотворения. 320 с.
11. Кугультинов Д. Н. «Шүүһэд барлсн шүлгүд» («Избранные стихи»). Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1971. 655 с.
12. Попова Т. Г. К вопросу о гендерных исследованиях // Человек говорящий и пишущий: материалы Международ. конф. М.: МГЭУ, 2008. Вып. 2. С. 232-241.
13. Стернин И. А., Попова З. Д. Концепт. Воронеж: Воронежский университет, 1999. 30 с.
14. Стернин И. А., Попова З. Д. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов: в 2-х т. / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. С. 7-10.
15. Харчевникова Р. П., Есенова Т. С., Цэндээ Ю. Психолингвистический портрет калмыка: личностные и волевые характеристики // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 40 (4). С. 119-124.

Информация об авторах | Author information**RU****Бабаева Ольга Кукаевна¹**, к. филол. н.¹ Институт международного права и экономики имени А. С. Грибоедова;
Российский университет дружбы народов, г. Москва**EN****Babaeva Olga Kukaevna¹**, PhD¹ Griboedov Institute of International Law and Economics;
People's Friendship University of Russia (RUDN), Moscow¹ olgabov97@yandex.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 17.06.2021; опубликовано (published): 30.07.2021.

Ключевые слова (keywords): гендер; калмыцкая языковая картина мира; концепт; гендерные стереотипы;
gender; Kalmyk linguistic worldview; concept; gender stereotypes.